УДК 811.511'28; 811.511.112; 811.511.115
DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-90-101

Базовая лексика карельского и вепсского языков в лингвогеографическом аспекте

И. П. Новак

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
novak@krc.karelia.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Сбор и изучение карельской и вепсской лексики ведётся силами отечественных и финляндских лингвистов на протяжении двух столетий. Бесценным источником для исследований по диалектологии северо-восточной группировки прибалтийско-финских языков является «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007), подготовленный сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН на основе полевых данных, собранных в 1979–1981 гг. В статье представлены результаты применения к материалам данного словаря статистического метода кластерного анализа.

Цель: анализ базовой лексики говоров карельского и вепсского языков в лингвогеографическом аспекте с применением статистического метода кластерного анализа (метода диалектометрии).

Материалы исследования: предварительно закодированные с целью введения в базу программы кластеризации лексические данные «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (ок. 43 тыс. единиц).

Результаты и научная новизна. Научная новизна исследования заключается в применении к большим объёмам предварительно закодированного лексического диалектного материала статистического метода кластерного анализа. Результаты подсчёта подтверждают сделанные языковедами ранее выводы относительно единства вепсского и карельского языков, а также наличия между ними четкой границы. Вопрос определения языкового статуса людиковских говоров, на протяжении десятилетий являющийся предметом дискуссий среди российских и финляндских языковедов, на базе привлечённого к анализу материала решается в пользу наречия карельского языка. Намеченные программой кластеризации границы между кластерами для вепсского языка совпали с его диалектной классификацией. На карельской части итоговой карты основной пучок изоглосс сместился севернее границы между наречиями языка, что указывает на более подвижный характер его лексического уровня. Представленные в статье результаты и методику их получения в дальнейшем планируется использовать в процессе модификации системы диалектного членения карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык, вепсский язык, лексика, диалектология, лингвогеография, диалектометрия, кластерный анализ, кластерная карта.

Благодарности: Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН. Автор выражает благодарность профессору информатики университета Восточной Финляндии Мартти Пеннтонену за разработку компьютерной программы кластеризации, научному сотруднику ИЯЛИ КарНЦ РАН А. П. Родионовой за помощь в кодировании материалов для исследования, ведущему инженеру-исследователю ИПМИ КарНЦ РАН Н. Б. Крижановской за разработку карельской диалектной базы.

Для цитирования: Новак И. П. Базовая лексика карельского и вепсского языков в лингвогеографическом аспекте // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 90–101.

Basic vocabulary of the Karelian and Vepsian languages in the linguistic and geographical aspect

I. P. Novak

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
novak@krc.karelia.ru*

ABSTRACT

Introduction: Karelian and Vepsian vocabulary has been collected and studied by linguists from Russia and Finland for two centuries. An invaluable source for research in the dialectology of the North-East group of the Baltic-Finnish languages

is the «Comparative and Onomasiological Dictionary of the Karelian, Vepsian and Sami Languages» (2007). The dictionary was prepared by staff of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences using field research data from 1979–1981. The article reports the main results of applying the statistical method of cluster analysis to the dictionary entries.

Objective: the analysis of the basic vocabulary of the dialects of the Karelian and Vepsian languages in the linguistic and geographical aspect using the statistical method of cluster analysis (dialectometry method).

Research materials: pre-encoded for being uploaded to the clustering software database lexical data from the «Comparative and Onomasiological Dictionary of the Karelian, Vepsian and Sami Languages» (about 43 thousand units).

Results and novelty of the research: the scientific novelty of the research is the application of the statistical method of cluster analysis to large volumes of pre-encoded lexical dialect material. The results of the calculation confirm the conclusions made by linguists earlier regarding the unity of the Vepsian and Karelian languages, as well as the presence of a clear border between them. The question of determination of the linguistic status of the Ludic dialects, which has been the subject of discussions among Russian and Finnish linguists for decades, is resolved in favor of the Karelian dialect on the basis of the material involved in the analysis. The boundaries between clusters outlined by the clustering program for the Vepsian language coincided with its dialect classification. On the Karelian part of the final map, the main bundle of isoglosses shifted north of the border between the dialects of the language, which indicates a more mobile character of its lexical level. The results presented in the article and the method of obtaining them will be later used to develop a linguistically grounded classification of Karelian language dialects.

Key words: Karelian language, Vepsian language, vocabulary, dialectology, linguistic geography, dialectometry, cluster analysis, cluster map.

Acknowledgements: the study was carried out under the state order of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The author is grateful to Martti Penttonen, Professor of Informatics at the University of Eastern Finland, for designing the clustering software; Alexandra P. Rodionova, Leading Engineer Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for help with coding materials for the study; Natalia B. Krizhanovskaya, Leading Engineer Researcher at the Institute of Applied Mathematical Research of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for developing the Karelian dialect database.

For citation: Novak I. P. Basic vocabulary of the Karelian and Vepsian languages in the linguistic and geographical aspect // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (1): 90–101.

Введение

Соседствующее на протяжении многих веков и сопровождаемое контактами положение карельского и вепсского языков нашло отражение на всех языковых уровнях. К важнейшим результатам вепско-карельского контактирования относится формирование двух южных наречий карельского языка: ливвиковского и людиковского [18, 179, 182; 25, 8–9]. Относительно языкового статуса последнего мнения финнистов расходятся: является ли оно наречием карельского языка [25, 12–13; 15, 81] или самостоятельным прибалтийско-финским языком [22, 9]. Решения ждут и многие проблемы определения диалектного статуса отдельных групп говоров карельского языка. Для вепсского языка, в свою очередь, к настоящему моменту выявлены основные диалектоформирующие черты и определены границы диалектных ареалов [5].

Результаты исследований в области диалектной лексикографии карельского и вепсского языков представлены целым рядом диалектных словарей и лингвистических атласов: «Lyydiläismurteiden sanakirja» (1944) Ю. Куйола [21], «Karjalan kielen sanakirja» (1968–2005) [20], «Словарь вепсского языка» (1972) М. И. Зайцевой и М. И. Мулло-

нен [3], «Словарь карельского языка: ливвиковский диалект» (1990) Г. Н. Макарова [9], «Словарь карельского языка. Тверские говоры» (1994) А. В. Пунжиной [12], «Словарь собственно-карельских говоров Карелии» (2009) В. П. Федотовой и Т. П. Бойко [14], «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» (2004–2010) [15], «Лингвистический атлас вепсского языка» (2019) [8] и др.

Цель настоящего исследования – лингвогеографический и диалектометрический анализ лексики, представленной в «Сопоставительно-ономасиологическом словаре диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007) [13]. Её базисный слой (прибалтийско-финский праязыковой) является относительно устойчивым, в связи с чем довольно чётко отражает историю сложения и взаимодействия языков и диалектов исследуемого региона. Применение к большим объёмам лексических данных словаря диалектометрического метода анализа позволит перепроверить языковую и диалектологические карты Карелии и сопредельных областей. Результаты анализа могут быть использованы в работе по модификации диалектной классификации карельского языка.

Материалы и методы

В процессе анализа лексического материала использованы лингвогеографический метод и диалектометрический, базирующийся на агломеративно-иерархическом методе кластеризации (статистический метод кластерного анализа). Компьютерная программа кластеризации способна обрабатывать значительные массивы материалов, объединяя говоры, обнаруживающие минимальное количество отличий, в кластеры, собирающиеся от уровня к уровню в более крупные. Визуализация результатов анализа производится в виде кластерных карт [7].

Апробация методики была проведена на основе «Диалектологического атласа карельского языка» [1], содержащего материалы по фонетике (109 карт), морфологии (73 карты) и лексике (24 карты) [7; 19]. Фрагментарный характер лексического материала атласа заставил заняться поиском более основательного источника для анализа диалектной специфики словарного состава карельского языка. Таким выступил «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007, далее СОСД) [13]. Словарь был подготовлен сотрудниками сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН на основе данных, собранных в полевых условиях в 1979–1981 гг. в 24 карельских, 6 вепсских и 5 саамских пунктах. Распределение говоров карельского языка произведено согласно традиционной диалектной классификации: 14 говоров собственно карельского наречия (севернокарельские – пункты 1–4, южнокарельские – 5–9, периферийные – 10–14), 6 ливвиковских (15–20) и 4 людиковских (21–24). Вепсский язык представлен северными (пункты 25, 26), средними (27–29) и южным (30) говорами [13, 9–10] (Рис. 1).

Представленная в словаре лексика (1428 понятий) довольно подробно демонстрирует базовый словарный фонд северо-восточной группировки прибалтийско-финских языков и позволяет определить основные сходства и различия между их диалектами. В ходе настоящего исследования были использованы карельские и вепсские данные словаря (ок. 43 тыс. диалектных единиц) [2].

Рисунок 1. Пункты кластеризации¹

Результаты

1. Анализ вариантов кластеризации лексических материалов

СОСД построен по понятийно-тематическому принципу. Словарь представлен тремя крупными лексико-семантическими темами «Вселенная» (280 понятий), «Человек» (1046 понятий) и «Человек и вселенная» (102 понятия), каждая из которых включает целый ряд разделов. В теме «Вселенная» освещена лексика флоры и фауны,

¹ На карте зеленым цветом отмечены собственно карельские, жёлтым – ливвиковские, розовым – людиковские говоры карельского языка, голубым – говоры вепсского языка.

понятия неживой природы и названия цвета. В теме «Человек» – лексика, связанная с практической и духовной деятельностью человека, бытовой и производственной средами его обитания. Тема «Человек и вселенная» включила лексику, выражающую количественные, пространственные и временные отношения. В процессе работы по каждому лексико-семантическому пласту в рамках крупных тем были составлены тематические кластерные карты (59 карт), проецирующие лингвистический ландшафт анализируемых рядов карельского и вепсского языков [2].

Степень лексической дифференциации на разных картах существенно отличается. Количество кластеров, т. е. диалектных ареалов по анализируемым разделам лексики, варьируется в пределах от одного до девяти. Например, в рамках темы «Вселенная» все карты можно классифицировать следующим образом:

– **кластерные карты с низкой степенью дифференциации** (1–4 кластера), с преимущественно исконным характером представленной на них лексики: «Небо; небесные тела», «Растительный мир», «Лесные деревья», «Фруктовые деревья; кусты со съедобными ягодами и плодами; ягоды», «Растения, употребляемые в пищу; злаки», «Растения и кустарники», «Названия цвета», «Домашние животные», «Рыбы». Довольно большой процент из лексем данных разделов, возводимых, по крайней мере, к прибалтийско-финскому языку-основе, сохранился в вепско-карельских говорах. Например, наименования единообразно представленных на картах понятий ‘земля’ (*mia* ~ *ta(a)* ~ *mo/a* ~ *mja*), ‘берёза’ (*koiv(u/o)* ~ *kijf* ~ *kijvuh*), ‘собака’ (*koir(a/u/o/e)* ~ *kijr*) возводится к финно-угорскому праязыку [17, 170]; ‘звезда’ (*t(i/ä)äht(i)* ~ *tee/ähti* ~ *tähtiž* ~ *tähtaz* ~ *täht(h)e/aine*), ‘осина’ (*hu/a/i/oap/b(a/u/o/e)* ~ *hooba* ~ *hab(a)*), ‘ольха’ (*lepp(ä/i/ü/ö/e)* ~ *lep*) – к финно-волжскому языку-основе [17, 198–199, 204]; ‘рожь’ (*ruis/š/ž* ~ *rugiz/š*), ‘овёс’ (*kak/gr(a/u/o/e)*) – к германским заимствованиям [17, 252]; ‘чёрный’ (*muš/st(a/u/o/e)* ~ *musked*) – к прибалтийско-финскому праязыку [17, 218];

– **кластерные карты с высокой степенью дифференциации** (5–7 кластеров): «Погода; ветер; состояние атмосферы», «Воды; моря, реки», «Рельеф местности; полезные ископаемые», «Древесные растения», «Огородные растения»,

«Лесные, полевые животные», «Птицы», «Насекомые, пресмыкающиеся, земноводные». Образование большого числа кластеров в данных лексико-семантических разрядах объясняется наличием в вепско-карельских говорах нескольких отличных лексем для выражения многих понятий. Эти лексемы могут быть как исконными, восходящими к прибалтийско-финскому праязыку, так и заимствованными (преимущественно поздние заимствования из русского языка). Понятие ‘волна’, например, выражается четырьмя лексемами: исконная *la/einiž* финно-угорского происхождения [17, 218], возводимая к скандинавским заимствованиям (*v*)*ualt/do* ~ (*a*)*ald(o)* ~ *ooldo* [24, 1], а также заимствованные из русского языка *voln(a)* (ср. *волна*) и *vialo* (ср. *вал*). Или понятие ‘стая’ обозначено семью лексемами: возводимыми к финно-угорскому праязыку *parv(i)* [23, 356] и *j/d’oukko* ~ *g’üuk* [23, 103], германским/балтийским заимствованием *karjo* [24, 162], прибалтийско-финским праязыковым *tukku* [24, 1388], восходящим к саамскому языку *juro* (ср. саам. *jurra* [13, 55]), а также заимствованиями *arte/il’* (ср. рус. *артель*) и *vatag* (ср. рус. *ватага*).

Подробное этимологическое исследование каждого из представленных в словаре лексико-семантических пластов, могло бы пролить свет на причины в одних случаях довольно единообразного, а в других достаточно пёстрого представительства кластеров на картах. К таким, очевидно, следует отнести, связанную с особенностями ландшафта и климата широту распространения определённых реалий, административные границы разных эпох, основные направления межъязыкового взаимодействия, не говоря уже об истории сложения описываемых языков и диалектов. В рамках настоящего исследования, однако, на передний план выведен статистический анализ всего имеющегося массива лексического диалектного материала в совокупности.

Представление лексических данных словаря в виде итоговой кластерной карты, визуализирующей все закодированные материалы (Рис. 2), а также сводных кластерных карт «Вселенная», «Человек», «Человек и вселенная» (Рис. 3), позволяет получить объективную картину диалектного представительства базовой лексики карельского и вепсского языков.

Рисунок 2. Итоговая кластерная карта второго (1) и первого (2) уровней кластеризации

Второй уровень итоговой кластерной карты (Рис. 2(1)) разделил привлеченные к анализу говоры на два крупных кластера: в левый вошли все говоры карельского языка, а правый представлен исключительно вепскими говорами. Результат кластеризации, таким образом, позволяет утверждать, что с точки зрения лексической системы карельский и вепский языки чётко дифференцированы. Отдельные тематические кластерные

карты второго уровня кластеризации способны выявить основные лексико-семантические ряды слов, изоглоссы на картах которых чётко совпадают с границей между языками: «Человек, общие сведения», «Жизнь человека», «Части тела», «Здоровье; болезни», «Потребности человека ...», «Жилище», «Строительство ...», «Торговля ...», «Сельское хозяйство ...», «Глаголы движения; действия» и др.

Рисунок 3. Сводные кластерные карты «Вселенная» (1), «Человек» (2), «Человек и вселенная» (3)

Отдельное внимание следует обратить на визуализированный в виде кластерных карт факт единства карельского языка: все собственно карельские, ливвиковские и людиковские говоры притянулись в общий карельский кластер, что позволяет на базе анализируемого материала констатировать отсутствие лингвистических оснований для выделения людиковских говоров в самостоятельный прибалтийско-финский язык. Аналогичные результаты были получены финляндскими и эстонскими лингвистами, также использующими

метод кластеризации, на основе лексического материала «Атласа прибалтийско-финских языков» [16, 179].

Важно также отметить наличие значительного числа представленных преимущественно исконной прибалтийско-финской лексикой рядов, визуализированных одним общим кластером (напр., «Небо; небесные тела», «Пастбище») или вепско-карельскими кластерами различного масштаба (напр., «Воды; моря, реки», «Растения и кустарники», «Молочные продукты», «Общие

работы по хозяйству», «Время; временные отношения»), что, в свою очередь, подтверждает близкое языковое родство.

Анализ полученных кластерных карт четко проявляет языковые ареалы, характеризующиеся наличием общих исторических корней, основные направления вепско-карельского контактирования, а также регионы, подверженные однотипному внешнеязыковому влиянию. Так, например, вепско-ливвиковско-людиковский кластер, образовавшийся на тематических картах «Растения и кустарники», «Охота, рыбная ловля; продукты», «Время: временные отношения», отражает историю формирования южных наречий карельского языка. Его распространение на север – на южнокарельские говоры собственно карельского наречия (напр., карты «Воды, моря, реки», «Общие работы по хозяйству»), может, с одной стороны, указывать на границы исторической вепской территории [6, 543], а с другой, свидетельствовать о более поздних контактах внутри группы. Образование ареала, представленного вепским языком и говорами карельского языка Центральной России (напр., карты «Лесные деревья», «Рыбы»), может быть результатом однотипного влияния на них говоров русского языка, что позволяет констатировать и подробный этимологический анализ отдельных пластов лексики [4, 648–649].

2. Визуализация базовой лексики вепского языка

Единый вепский кластер в противовес нескольким карельским образуют лексико-семантические разделы «Древесные растения», «Домашние животные», «Лесные, полевые животные», «Человек за работой», «Дорога и транспорт», «Одежда», «Посуда, домашняя утварь», «Общественные организации ...». На сводной кластерной карте «Человек и вселенная» (Рис. 3(3)) также отчетливо видно, что вепские говоры формируют самостоятельную группу, в отличие от раздробленного на четыре кластера карельского языка. В связи с этим можно говорить об относительной однородности вепского языка в сравнении с карельским.

На первом уровне сводной карты (Рис. 2(2)) вепский кластер оказался разбит на два: **северный**, представленный северновепскими говорами, и **южный**, объединивший средне- и южновепские говоры. Четкие лексические изо-

гlossы между выявленными группами говоров проявились на 16 из 59 тематических карт из тем «Вселенная» и «Человек», что нашло отражение и на соответствующих сводных картах (см. Рис. 3(1,2)). Своеобразие северновепского диалекта объясняется исследователями значительным карельским языковым воздействием [6, 540], которое на тематических кластерных картах, однако, не нашло подтверждения (за исключением карты «Молочные продукты», и карт, составленных на базе отдельно взятых понятий).

На картах, демонстрирующих распределение лексем таких лексико-семантических разделов как, например, «Растительный мир», «Ремесла, профессии ...», «Язык, общение», «Пастбище», «Отопление; освещение» «Торговля ...», «Религия ...», в южном вепском кластере наметилось противопоставление его западной и восточной зон. При этом говор с. Ошта тяготеет то к первой, то ко второй, а на отдельных тематических картах (напр., «Птицы», «Сельское хозяйство ...», «Жилище», «Язык, общение», «Априорность ...») – к северному вепскому кластеру. Таким образом, в процессе кластеризации проявилась отмеченная составителями «Лингвистического атласа вепского языка» (ЛАВЯ) ситуация с говором с. Ошта, демонстрирующая его «близкое родство с северновепскими говорами» [6, 539].

Самый южный из представленных в словаре вепский говор д. Сидорово, выделяющийся из остальных бóльшим процентом русских заимствований, также на ряде карт (напр., «Рельеф местности ...», «Огородные растения», «Строительство ...», «Семья, родство», «Пространство ...») отделяется от общего кластера итоговой карты, в большинстве случаев притягиваясь к соседнему тихвинскому говору собственно карельского наречия, но иногда тяготея к северной вепской подгруппе. Составители ЛАВЯ обращают особое внимание на «обособленность южновепской лексики на фоне более северных фиксаций, демонстрирующих большее единство», что объясняется определенными географическими обстоятельствами и последствиями административного членения территории [6, 538]. Очевидно, дополнительное внесение в базу кластеризации лексических материалов из других южновепских говоров могло бы привести к формированию здесь самостоятельного южновепского кластера.

3. Визуализация базовой лексики карельского языка

Привлеченные к анализу говоры карельского языка на итоговой кластерной карте первого уровня (Рис. 2(2)) кластеризации оказались разбиты на три крупных кластера: севернокарельский, ливвиковский и людиковско-южнокарельский.

В севернокарельский кластер вошли севернокарельские говоры собственно карельского наречия, а также тунгудский говор, отнесённый в традиционной диалектной классификации к его южнокарельской подгруппе [25, 12–13]. Аналогичный кластер сформировался на сводной карте «Человек» (Рис. 3(2)), а также на многих тематических картах (напр., «Рыбы», «Строительство ...», «Посуда, домашняя утварь», «Семья, родство»). На сводных картах «Вселенная» и «Человек и вселенная» в севернокарельский кластер входят говоры п. Ондозеро (Рис. 3(1) + карты «Птицы», «Насекомые, пресмыкающиеся, земноводные») и с. Реболы (Рис. 3(3) + карты «Лесные, полевые животные», «Части тела, органы ...», «Здоровье; болезни», «Чувства», «Кузница»). При этом на многих тематических картах («Огородные растения», «Глаголы движения; действия», «Потребности человека ...», «Ремесла, профессии ...», «Одежда; туалет», «Ткани; обувь», «Торговля ...», «Религия ...», «Общественные организации ... «Априорность ...») северный кластер представлен исключительно севернокарельскими говорами. Результат кластеризации, проявившей большое число изоглосс между группами говоров собственно карельского наречия, подтверждает выделение в нем северной и южной диалектных групп, граница между которыми в зоне вибрации смещается то севернее, то южнее.

Формирование северной и южной собственно карельских диалектных зон языковедами объясняется их непосредственной связью с транзитными путями, по которым проходило освоение территории. Так, в сложении северного ареала значительную роль сыграли «связи с Приботнией и приток оттуда населения – «финнизированных» карелов и саво в XVII–XIX вв.» [10, 6].

Кроме итоговой, ливвиковский кластер чётко выделяется также на сводной карте «Человек» (Рис. 3(2)) и тематических картах «Глаголы движения; действия», «Потребности человека ...», «Человек за работой», «Скотный двор, скот», «Молоч-

ные продукты» и др. На фоне ливвиковских стоит обратить внимание на говор с. Кондуши, притягивающийся на тематических картах то к людиковскому, то к вепсскому, то к периферийному (собственно карельские говоры Центральной России) кластерам. Относительно остальной ливвиковской территории стоит сделать вывод об её однородности, поскольку редкие изоглоссы на отдельных тематических кластерных картах разрезают территорию в разных направлениях примерно в одинаковых пропорциях, не образуя пучков.

Людиковско-южнокарельский кластер представлен людиковскими говорами, а также всеми южнокарельскими говорами собственно карельского наречия Карелии (кроме тунгудского) и Центральной России. На сводных картах «Вселенная» и «Человек и вселенная» в данную группу вошли также ливвиковские говоры, в то время как на карте «Человек» от неё обособился периферийный собственно карельский кластер.

Анализ тематических кластерных карт позволил выявить ряд лексико-семантических рядов, в которых людиковские говоры обнаруживают единство с южнокарельскими говорами собственно карельского наречия («Глаголы движения; действия», «Части тела, органы ...», «Потребности человека ...», «Человек за работой», «Скотный двор, скот», «Птичий двор, домашние птицы», «Кузница», «Торговля ...»), при этом северная граница ареала колеблется на севере территории, а периферийные говоры то присоединяются в общий кластер, то формируют самостоятельный. Стоит особо отметить также положение на тематических картах людиковских говоров Святозеро и Михайловское, первый из которых находится в зоне вибрации между людиковскими и ливвиковскими говорами, а второй между людиковскими говорами и вепским языком.

Сложение людиковско-южнокарельского кластера объясняется его расположением вдоль транзитного водно-волокового пути, соединяющего Присвирье с Белым морем [11, 23–24], что способствовало интенсивным контактам населения.

Кроме выявленных основных трех диалектных групп в ходе статистического исследования отдельных пластов лексики карельского языка были определены также следующие менее выраженные диалектные ареалы:

1) ливвиковско-людиковско-южнокарельский, к которому могут примыкать периферийные говоры

собственно карельского наречия (карты «Здоровье; болезни», «Религия ...» (2-ой уровень), «Одежда; туалет», «Ткани; обувь», «Домашние животные», «Чувства», «Общественные организации ...», «Общественная жизнь; брак», «Априорность ...»);

2) ливвиковско-людиковский (карты «Птицы», «Рыбы», «Человек, общие сведения», «Жизнь человека», «Другие занятия крестьянина», «Сенокос», «Строительство ...», «Семья, родство», «Праздники» и др.);

3) собственно карельский (без периферийных говоров), лексические изоглоссы южной границы которого рассеиваются (карты «Фруктовые деревья», «Сенокос», «Скотный двор, скот», «Деятельность, связанная с обработкой дерева», «Другие занятия крестьянина», «Дорога и транспорт», «Язык, общение», «Пространство ...»);

4) южнокарельский (без периферийных говоров) с колеблющимися на юге и севере территории границами (карты «Птицы», «Рыбы», «Молочные продукты», «Ткани; обувь», «Строительство ...», «Посуда; домашняя утварь», «Праздники», «Семья, родство», «Религия ...»);

5) периферийный (карты «Насекомые, пресмыкающиеся, земноводные», «Потребности человека ...», «Сенокос», «Скотный двор, скот», «Ремесла, профессии ... «Хлеб», «Ткани; обувь», «Строительство ...», «Посуда, домашняя утварь», «Семья, родство», «Религия ...» и др.).

С точки зрения распределения базовой лексики в говорах исследуемого региона не вызывает сомнения наличие в ливвиковско-людиковской зоне сильного вепсского субстрата. Результатом разновременных и разнонаправленных передвижений населения Олонецкого перешейка является отсутствие на картах чёткого людиковского кластера в тех границах, в которых людиковские говоры обнаруживаются, например, в результате кластерного анализа фонетической и грамматической систем языка [7]. С точки зрения лексики людиковское наречие не представляет собой самостоятельной единицы диалектного членения. Людиковские говоры образуют общие кластеры с южнокарельскими говорами собственно карельского наречия, реже с ливвиковским наречием или вепским языком.

В отличие от людиковского диалектного ареала, кластерные карты позволяют сделать вывод о наличии довольно чётких границ между ливвиковскими и южнокарельскими говорами

собственно карельского наречия на севере и его же периферийными говорами на юге. Восточная граница ливвиковского кластера на итоговой карте проходит чётко между ливвиковскими и людиковскими говорами, однако, отдельные тематические кластерные карты демонстрируют её незначительную вибрацию.

Внимание на себя обращает факт отсутствия на картах обособленного собственно карельского кластера, включающего в себя периферийные говоры, что является следствием изменений, произошедших в карельских говорах Центральной России в ходе многовекового развития в русскоязычном языковом окружении. Наличие же значительного числа изоглосс, разрезающих территорию южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии, объясняется результатом сильного контактного влияния, очевидно, вызванного поздними миграциями карелов.

Обсуждение и заключение

Визуализация лексических материалов на кластерных картах различного охвата и разной степени вариативности является наглядным отражением истории формирования северо-восточной группировки прибалтийско-финских языков, их наречий и диалектов. Она позволяет проследить направления расселения и контактирования групп карелов и вепсов, отражая лингвистический ландшафт исследуемого региона.

Основным результатом применения статистического метода кластерного анализа к обширному объёму лексических диалектных данных является подтверждение единства как вепсского, так и карельского (собственно карельского, ливвиковского и людиковского наречий) языков, а также наличия между ними четкой языковой границы. Следует при этом отметить устойчивое сохранение исконного пласта прибалтийско-финской лексики в обоих языках.

Лингвогеографическое исследование различных лексико-семантических групп как по отдельности, так и в совокупности, позволило выделить обладающие лексическим своеобразием диалектные ареалы исследуемых языков.

Визуализация лексики вепсского языка на кластерных картах, обнаруживающих пучки изоглосс между северновепскими, средневепскими (в том числе восточными и западными) и южновепскими говорами, в целом совпадает с его

диалектной классификацией, чего нельзя сказать о карельском языке. В отличие от традиционного диалектного членения, выделяющего собственно карельское (с севернокарельской и южнокарельской подгруппами), ливвиковское и людиковское наречия, анализ лексического состава карельского языка подразделил его на севернокарельский, ливвиковский и людиковско-южнокарельский диалектные ареалы. Пучки изоглосс на тематических кластерных картах, указывают, однако, на наличие внутри третьего ареала людиковской, а также собственно карельских южнокарельской и периферийной подгрупп. Полученный результат

является свидетельством относительной подвижности лексического уровня карельского языка.

Анализ базовой лексики северно-восточной группировки прибалтийско-финских языков с применением методики кластеризации позволил получить целый ряд выводов, крайне необходимых в процессе решения проблем диалектного членения карельского языка и определения языкового статуса отдельных групп его говоров. Результаты исследования будут в дальнейшем использованы в работе над лингвистически обоснованной диалектной классификацией карельского языка.

Список источников и литературы

1. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. 10 с.
2. Диалектная база карельского языка. URL: http://murreh.krc.karelia.ru/sosd/concept_category (дата обращения: 27.01.2021).
3. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.
4. Зайцева Н. Г. Дрожжи и закваски – мастера, кузнецы? (именования понятий в вепском этноязыковом пространстве) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 642–651.
5. Зайцева Н. Г. К генезису маркеров вепских диалектных ареалов // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. 16. № 3. С. 95–113.
6. Зайцева Н. Г., Муллонен И. И. Формирование диалектной карты вепского языка // Лингвистический атлас вепского языка. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 535–545.
7. Карельский язык в грамматиках / Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
8. Лингвистический атлас вепского языка / под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб.: Нестор-История, 2019. 573 с.
9. Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск: Карелия. 1990. 495 с.
10. Муллонен И. И. Диалектная карта карельского языка. URL: <http://knk.karelia.ru/site/mullonen/doklad.pdf> (дата обращения: 22.01.2021).
11. Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка в контексте карело-вепского контактирования // Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts. Finland: Jyväskylä, 2010. Series. 3. Pp. 16–28.
12. Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 378 с.
13. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 348 с.
14. Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: Периодика, 2009. 350 с.
15. Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. Vol. I. 464 p.; 2007. Vol. II. 540 p.; 2010. Vol. III. 486 p.
16. Clustering Lexical Variation of Finnic Languages Based on Atlas Linguarum Fennicarum / Honkola T., Santaharju J., Syrjänen K., Pajusalu K. // Linguistica uralica. 2019. № 3. Pp. 161–184.
17. Häkkinen K. Mistä sanat tulevat. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990. 326 s.
18. Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. № 78. S. 153–185.
19. Karjalan kielen murrehatlasen jälgiptotsezoindua. 2021. URL: <https://karjalankieliopit.net/atlas/klusterit/klusterit.html> (дата обращения: 15.01.2021).
20. Karjalan kielen sanakirja. In 6 Volumes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. 3800 p.
21. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 544 s.
22. Pahomov M. Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki, 2017. URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/173932/Lyydilai.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 23.01.2021).
23. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 905 s.
24. Suomen kielen etymologinen sanakirja. In 7 volumes. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. 2294 p.

25. Zaikov P. M. *Karjalan kielen murteet*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. URL: <https://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=28659#t20c> (дата обращения: 15.01.2021).

References

1. Bubrikh D. V., Belyakov A. A., Punzhina A. V. *Dialektologicheskij atlas karel'skogo jazyka* [Dialect Atlas of the Karelian Language]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1997. 10 p. (In Russian, Finnish)
2. *Dialektnaja baza karel'skogo jazyka* [Dialect base of the Karelian language]. Available at: https://murreh.krc.karelia.ru/sosd/concept_category (accessed January 27, 2021). (In Karelian, Russian)
3. Zaytseva M. I., Mullonen M. I. *Slovar vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 746 p. (In Vepsian, Russian)
4. Zaytseva N. G. *Drozhzhi i zakvaski – mastera, kuznecy? (imenovaniya ponjatij v vepsskom jetnojazykovom prostranstve)* [Yeast and leaven – craftsmen, blacksmiths? (names of notions in the Vepsian ethnolinguistic space)]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (4), pp. 642–651. (In Russian)
5. Zaytseva N. G. *K genezisu markerov vepsskih dialektnyh arealov* [To the genesis of markers of the Vepsian dialectal areas]. *Acta Linguistica Petropolitana* [Acta Linguistica Petropolitana], 2020, no. 3, pp. 95–113. (In Russian)
6. Zaytseva N. G., Mullonen I. I. *Formirovaniye dialektnoy karty vepsskogo yazyka* [Formation of the dialect map of the Vepsian language]. *Lingvisticheskij atlas vepsskogo yazyka* [Linguistic Atlas of the Vepsian language]. Ed. by N. G. Zaytseva. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. pp. 535–545. (In Russian)
7. Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. *Karel'skiy yazyk v grammatikakh* [Karelian language in grammars]. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2019. 479 p. (In Russian)
8. *Lingvisticheskij atlas vepsskogo yazyka* [Linguistic Atlas of the Vepsian language]. Ed. by N. G. Zaytseva. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 573 p. (In Russian)
9. Makarov G. N. *Slovar karelskogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvi dialect)]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Karelian, Russian)
10. Mullonen I. I. *Dialektnaja karta karel'skogo jazyka* [Dialect map of the Karelian language]. Available at: <http://knk.karelia.ru/site/mullonen/doklad.pdf> (accessed January 22, 2021). (In Russian)
11. Mullonen I. I. *Formirovanie dialektnoj karty karel'skogo jazyka v kontekste karelo-vepsskogo kontaktirovaniya* [Formation of the dialect map of the Karelian language in the context of Karelian-Vepsian contact]. *Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts*, 2010, vol. 3, pp. 16–28. (In Russian)
12. Punzhina A. V. *Slovar karelskogo yazyka (tverskiye govory)* [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1994. 378 p. (In Karelian, Russian)
13. *Sopostavitel'no-onomasiologicheskij slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo i saamskogo jazykov* [Comparative and Onomasiological Dictionary of dialects of the Karelian, Vepsian and Sami languages]. Ed. by Yu. S. Eliseev, N. G. Zaytseva. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2007. 348 p. (In Russian)
14. Fedotova V. P., Boyko T. P. *Slovar' sobstvenno-karel'skih govorov Karelii* [Dictionary of the proper Karelian dialects of Karelia]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2009. 350 p. (In Karelian, Russian)
15. *Atlas Linguarum Fennicarum*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Vol. 1. 2004. 464 p.; Vol. 2. 2007. 540 p.; vol. 3. 2010. 486 p. (In Finnish)
16. Honkola T., Santaharju J., Syrjänen K., Pajusalu K. Clustering Lexical Variation of Finnic Languages Based on Atlas Linguarum Fennicarum. *Linguistica uralica*, 2019, no. 3, pp. 161–184. (In English)
17. Häkkinen K. *Mistä sanat tulevat*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990. 326 p. (In Finnish)
18. Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. *Virtittäjä*, 1971, no. 78, pp. 153–185. (In Finnish)
19. *Karjalan kielen murrehatlasen jälgiprotsezoindua*. 2021. Available at: <https://karjalankieliopit.net/atlas/klusterit/klusterit.html> (accessed January 15, 2021). (In Karelian)
20. *Karjalan kielen sanakirja*. In 6 Volumes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. 3800 p. (In Karelian, Finnish)
21. Kuijola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 544 p. (In Karelian, Finnish)
22. Pakhomov M. *Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre?* Helsinki, 2017. Available at: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/173932/Lyydilai.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed January 17, 2021). (In Finnish)
23. Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 905 p. (In German)
24. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. In 7 volumes. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden seura, 1955–1981. 2294 p. (In Finnish)
25. Zaikov P. M. *Karjalan kielen murteet*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. Available at: <https://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=28659#t20c> (accessed January 15, 2021). (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новак Ирина Петровна, научный сотрудник сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), кандидат филологических наук.

novak@krc.karelia.ru

ORCID.ID: 0000-0002-9436-9460

ABOUT THE AUTHOR

Novak Irina Petrovna, Researcher, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya st., 11), Candidate of Philological Sciences.

novak@krc.karelia.ru

ORCID ID: 0000-0002-9436-9460